

УДК 93/94

**ФОРМИРОВАНИЕ РУССКО-КОРЕЙСКОЙ ГРАНИЦЫ В КОНТЕКСТЕ
ПОГРАНИЧНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ МЕЖДУ РОССИЕЙ И КИТАЕМ ВО
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.****Бурдин Евгений Сергеевич**Аспирант Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС, Российская Федерация, 680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33
e-mail: burdin-1955@mail.ru**Аннотация**

После поражения России в Крымской войне Петербург сосредоточил усилия на нерешённых территориальных проблемах с Китаем. По итогам подписания Айгунского и Пекинского договоров под российскую юрисдикцию перешли Приамурье и Приморье. Вопрос перехода во владения России граничащих с Кореей приморских территорий обсуждался на всех этапах переговоров с цинскими властями. Однако царское правительство не имело конкретных планов в отношении корейского государства и было заинтересовано в сохранении статус-кво вокруг Кореи. Уссурийский край требовался России с целью не допустить закрепления западных держав у тихоокеанских рубежей страны.

Ключевые слова: Россия, Китай, Корея, Дальний Восток, переговоры, граница, договор, соглашение.

**FORMATION OF THE RUSSIAN-KOREAN BORDER IN THE CONTEXT OF
BORDER NEGOTIATIONS BETWEEN RUSSIA AND CHINA IN THE
SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY****Evgeny S. Burdin**Graduate student, Far-East Institute of Management, Branch of RANEPА,
Russian Federation, 680000, Khabarovsk, Muravyov-Amur street b. 33.,
e-mail: burdin-1955@mail.ru**ABSTRACT**

After the defeat of Russia in the Crimean War, St. Petersburg focused its efforts on unresolved territorial problems with China. Following the signing of the Aigun and Beijing treaties, the Amur and Primorye came under Russian jurisdiction. The issue of transferring the coastal territories bordering Korea to Russia was discussed at all stages of negotiations with the Qing authorities. However, the tsarist government had no specific plans for the Korean state and was interested in maintaining the status quo around Korea. The Ussuri Territory was required by

Russia in order to prevent the consolidation of the Western powers at the Pacific borders of the country.

Keywords: Russia, China, Korea, Far East, negotiations, border, treaty, agreement.

После поражения России в Крымской войне (1853 – 1856 гг.) Петербург отказался от своих амбиций на Балканах и сосредоточил усилия на переговорах с Китаем о разграничении «ничейных земель» на Дальнем Востоке. Цинская империя, ослабленная вспыхнувшим в 1850 г. восстанием тайпинов и развязанной западными державами в 1856 г. второй опиумной войной, была вынуждена принять российские условия, в результате чего в состав России по условиям Айгунского (1858 г.) и Пекинского договоров (1860 г.) вошли Приамурье и Приморье.

Образование русско-корейской границы традиционно связывают с подписанием именно Пекинского договора, который подтвердил условия Айгунского соглашения и передал во владения России территорию, расположенную к востоку от р. Уссури. Однако анализ содержания российско-китайских пограничных переговоров позволяет сделать заключение о том, что генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев, бывший в тот период одним из главных проводников российской политики на Дальнем Востоке, был изначально нацелен на присоединение к России приморских территорий и продвигал эту идею на всех этапах переговоров с цинскими властями, в т.ч. ещё до момента подписания Айгунского договора.

Так, заключению соглашения в Айгуне предшествовали российско-китайские переговоры в русском Мариинском посту в сентябре 1855 г. На первом же заседании представлявший российскую делегацию камчатский военный губернатор адмирал В. С. Завойко озвучил несколько условий, на которых Н. Н. Муравьева предлагал китайской стороне вести дальнейший диалог. Одним из них было признание российской юрисдикции над Уссурийским краем [4, с. 213]. Однако на втором заседании, прошедшем с участием уже самого генерал-губернатора Восточной Сибири, цинские уполномоченные отказались от обсуждения этого вопроса, сославшись на отсутствие у них необходимых полномочий [5, с. 5].

Представляется, что следующая попытка российского правительства добиться включения в состав страны Приморья была предпринята во время переговорного процесса о подписании Айгунского договора. В ходе переговоров Н. Н. Муравьев передал цинским сановникам российский проект соглашения, в первом пункте которого предлагалось провести границу по р. Амур, р. Сингачи через озеро Ханку до залива Посьета, что привело бы к переходу во владение России Уссурийского края и появлению общей границы с Кореей [2, с. 7]. Однако, как и во время переговоров в Мариинском посту, китайские переговорщики в лице хэйлунцзянского цзянцзюня И-Шаня вновь сослались на отсутствие полномочий и настояли на более осторожной редакции договора.

Подписанный спустя непродолжительное время после Айгунского договора Тяньцзиньский русско-китайский трактат (1 (13) июня 1858 г.) сыграл промежуточную роль на пути к заключению Пекинского договора, постановив, ввиду слабой изученности Уссурийского края, незамедлительно исследовать неопределенные части границ между Российской и Дайцинской империями.

Логическим завершением усилий царского правительства по урегулированию нерешённых территориальных вопросов с Китаем стало подписание в 1860 г. Пекинского договора, который установил границу по р. Уссури, оз. Ханка и до р. Туманган, передав во

владение России Уссурийский край. В соответствии с условиями соглашения в конце августа 1861 г. был завершён процесс пограничного размежевания, в рамках которого р. Туманган в нижнем своём течении стала государственной границей между Россией и Кореей. В то же время в мероприятиях по установке пограничных столбов на этом участке границы не принимали участия уполномоченные представители корейского правительства.

Затрагивая тему появления русско-корейской границы, следует сделать важное замечание о том, что главной целью России при присоединении Приморья было не формирование сухопутной границы с Кореей с целью развития двусторонних отношений, а недопущение сценария, при котором пустующие приморские территории были бы заняты Англией и Францией, что означало бы укрепление западных держав у тихоокеанских рубежей страны и установление их господства в Японском море. В отношении же самой Кореи царское правительство придерживалось принципа сохранения статус-кво, означавшего согласие России с сюзеренитетом Китая над корейским королевством. Причина такого подхода в том, что вассальное положение по отношению к Дайцинской империи было препятствием к подчинению Кореи другими государствами [3, с. 67]. Именно поэтому Петербург поручил Н. Н. Муравьёву вести переговоры о разграничении дальневосточных территорий только непосредственно с цинскими властями [1, с. 6].

Об отсутствии у российского правительства перед началом пограничных переговоров с Империей Цин каких-либо конкретных планов в отношении Кореи свидетельствует в т. ч. и политика Петербурга в первые годы после образования русско-корейской границы. Так, в 1865 г. российский МИД поручил посланнику в г. Пекине А. Е. Влангали дать оценку потенциальных выгод от начала торговли с корейским королевством, а также сообщить о позиции маньчжурских властей относительно возможности установления европейскими державами и Россией отношений с Кореей. В ответном письме российский дипломат рекомендовал ограничиться скромными пограничными контактами с новым сопредельным государством, чтобы избежать недовольства цинского правительства, а также ревностной реакции западных держав, которая могла бы повредить будущим коммерческим интересам России в Корее [3, с. 71].

Приняв во внимание аргументы А. Е. Влангали, Петербург отказался от вступления в официальные переговоры с корейским двором, посчитав, что международная изоляция Кореи отвечает российским интересам. В российском МИД справедливо посчитали, что слабые позиции России на Дальнем Востоке не позволили бы в полной мере воспользоваться потенциальными преимуществами, которые можно было бы получить от корейского руководства при установлении официальных двусторонних связей. В то же время имелись основания полагать, что западные страны не упустят возможность заполучить аналогичные преимущества и воспользуются ими в полной мере. В этой связи генерал-губернатору Восточной Сибири М. С. Корсакову было поручено проработать вопрос открытия торговли не со всей Кореей, а только с её пограничными районами [3, с. 72].

Таким образом, на наш взгляд, можно сделать ряд выводов. Во-первых, Петербург пытался добиться перехода приморских территорий под свой контроль на всех стадиях пограничных переговоров с Пекином. Во-вторых, при разграничении территорий с Китаем на Дальнем Востоке царское правительство не преследовало цель установления границы с корейским государством и не вынашивало экспансионистских планов по отношению к Корее. В-третьих, на всех этапах переговоров с цинскими властями руководство России придерживалось позиции сохранения статус-кво вокруг Кореи, что означало признание российской стороной вассального положения этой страны по отношению к Цинской империи.

Список литературы:

1. Иванов А. Ю. Проблема урегулирования приграничных вопросов между Россией и Кореей (1860–1885) // Россия и АТР. 2013. № 3 (81). С. 5 – 16.
2. Михайловская А. И. Из истории русско-китайских отношений XIX века: (Айгунский трактат 1858 г.). Верхнеудинск : Бурят-Монгольское научное общество им. Д. Банзарова, 1927. 11. с.
3. Пак Б. Д. Россия и Корея - 2 издание, дополненное. - М. : Институт востоковедения РАН, 2004. 519 с.
4. Филонов А. М. Амурская экспедиция Г. И. Невельского. Взгляд из XXI века. Хабаровск : Хабар. краев. тип., 2013. 336 с.
5. Филонов А. М. Дальневосточная эпопея пограничного размежевания // Культура и наука Дальнего Востока. 2018. № 1 (23). С. 4 – 11.

References:

1. Ivanov A. YU. Problema uregulirovaniya prigranichnyh voprosov mezhdu Rossiej i Koreej (1860–1885) // Rossiya i ATR. 2013. № 3 (81). S. 5 – 16.
2. Mihajlovskaya A. I. Iz istorii russko-kitajskih otnoshenij XIX veka: (Ajgunskij traktat 1858 g.). Verhneudinsk : Buryat-Mongol'skoe nauchnoe obshchestvo im. D. Banzarova, 1927. 11. s.
3. Pak B. D. Rossiya i Koreya - 2 izdanie, dopolnennoe. - M. : Institut vostokovedeniya RAN, 2004. 519 s.
4. Filonov A. M. Amurskaya ekspediciya G. I. Nevel'skogo. Vzglyad iz XXI veka. Habarovsk : Habar. kraev. tip., 2013. 336 s.
5. Filonov A. M. Dal'nevostochnaya epopeya pogranichnogo razmezhevaniya // Kul'tura i nauka Dal'nego Vostoka. 2018. № 1 (23). S. 4 – 11.